

УДК 371(091)(470.5)
ББК 4403(235.55)6

ГРНТИ 14.09.25

Код ВАК 13.00.01

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru.

Суворов Максим Викторович,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: mvs-19771@yandex.ru.

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К УРАЛЬСКОМУ УЧИТЕЛЬСТВУ В 1919–1929 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданская война; политические репрессии; уральское учительство; общеобразовательные учебные заведения; история советской педагогики.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению актуальной проблемы репрессий в отношении уральского учительства в первые десятилетия советской власти. Насилие и классовый подход являлись отличительными чертами социально-экономических преобразований в указанный исторический период. После восстановления советской власти на Урале летом 1919 г. в условиях продолжающейся Гражданской войны большевистское руководство прибегло к репрессиям против учителей, которые сотрудничали с колчаковцами и, по мнению чиновников, были враждебны большевистскому режиму. Педагоги оказывались жертвами административного произвола властей, привлекались к ответственности судебными и внесудебными карательными органами, даже если они заявляли о желании честно продолжать свой учительский труд. Особенно жесткие карательные меры были направлены против тех школьных работников, которые служили в колчаковской армии, вне зависимости от того, пришли ли они на службу добровольно, либо были мобилизованы.

После окончания Гражданской войны в стране репрессивная политика против учительских кадров потеряла характер судебных и внесудебных расправ, однако поскольку большевики руководствовались «классовым» подходом в решении проблем, то и в 1920-е гг. советские чиновники дифференцированно относились к учительству, считая, что принадлежность по происхождению к бывшим «эксплуататорским классам» (дворяне, купцы, духовенство и т.д.) во многом определяет негативное отношение школьных работников к советской власти. Вследствие этого многие учителя не допускались к педагогической деятельности, увольнялись с работы, незаслуженно обвинялись в антисоветской агитации. В конце 1920-х гг. даже отказ от активной поддержки учителями установок партийно-советского руководства стал рассматриваться властями как проявление враждебных настроений, которые наказывались административными мерами.

Popov Mikhail Valerievich,

Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Suvorov Maksim Viktorovich,

Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

**THE REPRESSIVE POLITICS OF THE SOVIET AUTHORITIES WITH REGARD
TO THE URAL TEACHING IN 1919 - 1929.
(BASED ON EKATERINBURG GUBERNIA AND THE URAL REGION)**

KEYWORDS: Civil War; political repression; Ural teachers; comprehensive school; history of Soviet education.

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the important problem of repression in relation to Ural teachers in the first decades of the Soviet power. Violence and the class approach were the hallmarks of socio-economic transformations in this historical period. After the restoration of the Soviet power in the Urals in the summer of 1919, during the ongoing Civil War, the Bolshevik leadership resorted to repression against teachers who collaborated with Kolchak and, in the opinion of officials, were hostile to the Bolshevik regime. Teachers were victims of administrative arbitrariness of the authorities, brought to justice by judicial and extrajudicial punitive bodies, even if they declared their desire to honestly continue their teaching work. Particularly severe punitive measures were directed against those school employees who served in the Kolchak army, regardless of whether they had come to the service voluntarily or were made to.

After the end of the Civil War in the country, the repressive policy against teachers lost the character of judicial and extrajudicial executions, but since the Bolsheviks were guided by the "class" approach, they continued repressions against teachers even in the 1920s, believing that the former "exploiter classes" background (noblemen, merchants, clergy, etc.) in many respects determines the negative attitude of school teachers towards the Soviet power. As a consequence, many teachers were not allowed to do pedagogical

work, were dismissed from their jobs and undeservedly accused of anti-Soviet agitation. In the late 1920's, refusal of the active support of the Soviet ideas by the teachers was viewed by the authorities as a manifestation of hostile sentiments, which were punished by administrative measures.

Изучение истории первых десятилетий Советской власти невозможно без исследования репрессивной политики большевистского правительства по отношению к различным слоям российского общества, в том числе к учительству. Насилие и классовый подход были характерными чертами социально-экономических преобразований в этот период. Не составляла исключения и такая важная социальная сфера, как народное образование.

Территориальные рамки публикаций по этой проблеме в постсоветской отечественной историографии охватывают как страну в целом, так и отдельные регионы, в том числе Урал. Однако специальные исследования, проведенные на уральском материале, посвящены лишь периоду 1930 гг., когда репрессии стали массовыми [16].

В то же время репрессивная политика советской власти в отношении учительства с лета 1919 г. (освобождение Урала от колчаковских войск) до 1929 г. (переход к форсированной индустриализации и сплошной коллективизации) в литературе не получила освещения. Поскольку в данной статье это делается впервые, можно говорить о новизне представленной публикации. Цель работы – выявить особенности и изменения в репрессивной политике советской власти в отношении учительства в 1919–1929 гг., показать несостоятельность и трагические последствия «классового подхода» государства к решению общественных проблем.

После изгнания колчаковских войск с территории уральских губерний летом – осенью 1919 г. гражданская война в Уральском регионе закончилась. Однако в масштабе всей страны она продолжалась еще два года. Лишь в 1921 г. начался переход от политики «военного коммунизма» к нэпу, а значит, продолжала осуществляться продразверстка в деревне, сопряженная с насилием. Продолжение Гражданской войны, а также установки большевистского руководства о главенствующем значении «классовой борьбы» для решения проблем обусловили тот факт, что советские органы на местах проводили репрессивную политику по отношению к различным социальным слоям населения, в том числе по отношению к учительству.

Что касается уральского учительства, то гражданское противостояние между «белыми» и «красными» в регионе привело к расколу в учительской среде. Большинство педагогов средних учебных заведений в результате ухода Белой армии колчаковскими властями было эвакуировано в Сибирь, пре-

подаватели начальных училищ, несмотря на то что, что большинство их осталось на своих рабочих местах, как говорилось в отчете екатеринбургского губернского отдела народного образования первому съезду Советов Екатеринбургской губернии, «недоверчиво отнеслись к Советской власти от которой ждали лишь репрессий и гонений» [8, л. 6].

И такие опасения имели основания, поскольку они могли быть результатом реакции большевиков на репрессивную политику белых в период колчаковского режима в отношении учителей – активных сторонников Советской власти в годы революции. Однако уже весной 1920 г. школьные работники начинают возвращаться в города и уезды Екатеринбургской губернии и возобновляют свою педагогическую деятельность. Об этом свидетельствует тот факт, что 17 апреля 1920 г. коллегия Екатеринбургского губоно рассмотрела вопрос «О приеме на службу возвращающихся из эвакуации с белыми учителей». Было принято решение учителей-беженцев на службу принимать, но назначать не в те уезды, в которых они работали прежде, а в другие [9, л. 134]. В мае 1920 г. школьным отделом екатеринбургского губоно были составлены списки учителей, допущенных органами народного образования к преподаванию в конкретных школах в пяти городах, шести уездах и одном районе Екатеринбургской губернии. Те из преподавателей, которые не были утверждены чиновниками в качестве учителей в тех или иных школах, увольнялись со своих должностей [10, л. 11]. Более того, в постановлении подотдела Единой трудовой школы губоно прямо указывалось, что «... те из учителей-беженцев, которые не соответствуют званию работников трудовой школы, не могут быть назначены на учительские должности ни в другой волости, ни в другом уезде» [10, л. 11].

В ряде случаев участие учителей в эвакуации с колчаковцами было причиной того, что их деятельностью при белогвардейских режимах заинтересовались советские карательные органы – Чрезвычайные комиссии (ЧК) по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Даже если выяснялось, что беженец не был в Белой армии и никак себя не скомпрометировал, выполняя свои учительские обязанности, сам факт эвакуации служил основанием для судебного преследования. Например, фактически за участие в бегстве с колчаковцами к шести месяцам принудительных работ был приговорен Екатеринбург-

бургским ЧК учитель романовской школы Верхотурского уезда М. Ф. Романов [1, л. 100]. И это несмотря на то что в июле 1919 г. учитель был вынужден уехать с белыми по требованию командира карательного отряда [1, л. 47].

К принудительным работам в концентрационном лагере был приговорен коллегией Екатеринбургской ЧК в августе 1920 г. учитель Висимо-Уткинской школы II ступени, выпускник учительского института И. Г. Сельков [3, л. 346], который не служил в Белой армии и не сотрудничал с белогвардейцами. В ходе эвакуации он вернулся обратно в свою школу, доехав с белыми лишь до Нижнего Тагила [3, л. 52]. Впрочем, в феврале 1921 г. все приговоренные к принудительным работам были от них освобождены по случаю амнистии, связанной с трехлетней годовщиной русской революции [3, л. 366]. Весной 1921 г. в ряде случаев были амнистированы и те, кто за критику Советской власти был обвинен в «контрреволюционной агитации». Например, 5 марта 1921 г. Коллегией Екатеринбургской ЧК был амнистирован приговоренный к длительным срокам заключения за подобное «преступление» учитель Надеждинской школы С. И. Перетягин [4, л. 48].

Однако амнистия касалась лишь тех, кто не проходил армейскую службу у колчаковцев. Гораздо более суровыми были репрессии со стороны большевиков в отношении тех учителей, которые служили в Белой армии, даже в том случае, если они были принудительно мобилизованы, а после отступления колчаковцев заявили о своем желании честно служить Советской власти. 30 июня 1920 г. был арестован вернувшийся из эвакуации с белыми весной того же года преподаватель общеобразовательной школы при Артинском заводе Н. Д. Мосолов. В 1917–1918 гг. Николай Данилович был членом Уральского педагогического союза, занимал должность делопроизводителя в уездном отделе народного образования. Был мобилизован колчаковцами в армию, однако в военных действиях не участвовал, а после возвращения из эвакуации из Сибири Мосолов вновь стал активно работать на поприще народного просвещения. Своего прошлого Н. Д. Мосолов не скрывал, так как ни в каких компрометирующих его действиях, связанных с насилием, не участвовал [7, л. 65, 66, 257]. Однако сам факт службы в Белой армии являлся основанием для того, чтобы Екатеринбургским ЧК учитель в сентябре 1920 г. был приговорен к заключению в концентрационном лагере [7, л. 331].

Весьма типична судьба учителя Исаков-

ской школы Байкаловской волости Ирбитского района Б. С. Ганимедова. Он, выпускник духовной семинарии, был мобилизован в Белую армию осенью 1918 г. и проходил службу в чине подпоручика 45-го Сибирского стрелкового полка. После отступления колчаковцев Ганимедов вернулся в Екатеринбург и поступил на медицинский факультет Уральского университет [5, л. 4]. В апреле 1920 г. он, не скрывая своего прошлого, предложил свои услуги в качестве школьного работника органам Советской власти и был направлен екатеринбургским губоно в Ирбитский район в Исакиевскую школу [5, л. 6]. Однако в июне 1920 г. Ганимедов был арестован, особой тройкой Екатеринбургской ЧК приговорен к расстрелу и казнен [5, л. 22].

Типичность данного факта заключается в том, что учителя, имея высокий общеобразовательный уровень, в годы I мировой войны получали ускоренное военное образование и колчаковцами мобилизовались как офицеры русской армии, что в глазах большевистских карательных органов воспринималось как доказательство враждебности просвещенцев Советской власти. При Екатеринбургском губчека для внесудебных расправ была создана «Комиссия по фильтрации белогвардейских офицеров», которой было предоставлено право вынесения расстрельных приговоров бывшим военнослужащим, имевшим в прошлом офицерские чины.

В этой ситуации многие учителя, вернувшиеся к своей деятельности после окончания Гражданской войны, опасались репрессий и скрывали свое прошлое о службе у белых, что служило основанием для ужесточения наказаний по отношению к ним со стороны властей. Например, работавший до революции учителем в начальных школах Камышловского уезда, крестьянин по социальному происхождению А. Ф. Ключев был мобилизован колчаковцами. После возвращения к мирной жизни советские органы направили его на работу в Тугулымскую школу I ступени. Вскоре стало известно, что в 1915 г. Ключев закончил школу прапорщиков в Петрограде и получил офицерское звание [6, л. 38, 49]. Уже одного сокрытия факта об офицерском прошлом оказалось достаточным для того, чтобы чрезвычайная тройка «Комиссии по фильтрации белогвардейских офицеров» 28 сентября 1921 г. приговорила А. Ф. Ключева к расстрелу» [6, л. 54].

В то же время большевистское руководство благожелательно относилось к офицерам, вышедшим из учительской среды, дезертировавшим из Белой армии и перешедшим на сторону Советской власти. Так, в сентябре 1919 г. в Красную армию был зачислен перебежчик из армии Колчака, пра-

порщик С. М. Казаков. Выпускник учительского института в Екатеринбурге, он в годы I мировой войны закончил московское Алексеевское военное училище и получил офицерское звание. После демобилизации, до осени 1918 г. Казаков преподавал в екатеринбургском высшем начальном училище, однако был мобилизован белыми и нес службу во 2 Златоустовском полку армии Колчака [2, л. 1, 2].

В соответствии с указаниями большевистского руководства отношение Советской власти к учителям во многом зависело от социального происхождения школьных работников. Хотелось бы отметить, что упомянутый выше приговоренный к расстрелу бывший офицер, учитель Исакиевской школы Ирбитского уезда Б. Е. Ганимедов был сыном священника [5, л. 4], а зачисленный в Красную армию Реввоенсоветом Восточного фронта, бывший прапорщик, учитель екатеринбургского высшего начального училища, также упоминавшийся ранее, С. М. Казаков происходил из семьи слесаря завода Ятеса в Екатеринбурге [2, л. 2].

Несмотря на лояльность по отношению к Советской власти большинства учителей начальных школ и возобновление профессиональной деятельности преподавателей средних учебных заведений, в результате возвращения из Сибири после эвакуации колчаковцами во многом вследствие репрессивной политики большевистского руководства к концу 1920 г. в Екатеринбургской губернии в школах не хватало 900 учителей [18]. Не хватало учителей и в Екатеринбурге, где местные власти были вынуждены осенью 1920 г. издать приказ о мобилизации всех, кто может вести преподавательскую работу. Однако несмотря на то что в ходе «мобилизаций» было зарегистрировано 45 учителей, отдел народного образования получил в свое распоряжение только шесть человек, остальные были отпущены в те учреждения, где они работали. В губернском центре учительский персонал был перегружен – большинство учителей имело более 56 недельных часов учебной нагрузки [19].

Аналогичная ситуация имела место и в других губерниях Уральского региона. Например, в докладе о результатах обследования школьного дела в Челябинской губернии в первом полугодии 1922 г. отмечается, что 15% общего количества учителей непригодно к продолжению службы; в школах II ступени к преподаванию допускаются лица, не получившие достаточной подготовки. Поэтому, как сообщается в вышеприведенном докладе, «для получения права преподавания не требовалось ничего, кроме личного желанья кандидата на учительство, достаточности подготовки и со-

гласия завшколою» [12, л. 4].

Ситуация с педагогическими кадрами усугубилась в связи с изменением социально-экономической обстановки в стране, связанной с окончанием Гражданской войны. X съезд РКП(б) в марте 1921 г. положил начало новой экономической политике. Большинство учреждений образования лишались государственного финансирования. Значительное количество сельских школ были переведены на содержание местного населения; школы в городах были прикреплены к промышленным предприятиям. Одним из следствий всех произошедших изменений было понижение уровня профессиональной подготовки учителей на Урале по сравнению с дореволюционным периодом. Так, в начальных школах Пермской губернии в 1915 г. преподавателей, имевших специальную педагогическую подготовку, насчитывалось 38%, а в начале 1920 – лишь 6% от их общего количества [11, л. 24].

В 1923 г. изменилось административно-территориальное деление в стране. В Уральском регионе была создана Уральская область с центром в г. Екатеринбурге, в состав которой вошли Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии. Просветительную работу в этом обширном территориальном объединении возглавил отдел народного образования при Уралоблисполкоме Советов (Уралоблисполком).

Согласно статистическим данным в 1923–24 уч. г., в школах Уральской области преподавало 8772 учителя. Из них в школах I ступени работало 7339 педагогов, в школах II ступени – 679, в семилетних школах – 754. В сельской местности работало 5845 педагогов, в том числе в школах I ступени – 5515 человек. В городах преподавало 3027 просвещенцев, из них в школах I ступени работало 1924 педагога, в школах II ступени – 627, в семилетних школах – 476 [14, л. 6].

Окончание Гражданской войны, изменение социально-экономической обстановки в стране, связанное с переходом к НЭПу, ухудшение качественного состава педагогических кадров стали причиной того, что советская власть практически перестала использовать для судебных и внесудебных расправ над учителями как особой социальной категорией, недовольной политикой большевистского руководства, карательные органы.

Однако отношение к учительству у советской власти в послевоенный период оставалось подчеркнуто дифференцированным. К учителям городских гимназий, большей частью принадлежавших в прошлом к дворянскому сословию, она относилась с недоверием, воспринимая их социальной базой контрреволюции в школе. К

сельскому учительству, более 40% которого являлось выходцами из крестьянской среды [13, с. 178], советская власть проявляла благосклонность. Именно в этой социальной среде новая власть видела своих потенциальных приверженцев, из которых должна была рекрутироваться армия нового советского учительства. В городах такой социальной базой должны были стать учителя городских начальных школ, где учителя-дворяне составляли чуть более 21% [там же]. В целом же основной базой формирования новой генерации учителей советская власть считала выходцев из пролетарско-крестьянской среды. Именно такие люди, не связанные ни социальным прошлым, ни мировоззренческими традициями с прежней Россией, должны были стать основным материалом формирования нового советского учительства.

По отношению к тем категориям учительства, которые с точки зрения большевистского руководства, в силу своего социального происхождения и отказа от приверженности коммунистической идеологии, могли быть потенциальными противниками советской власти, государственная политика носила в определенной степени репрессивный характер, проявлявшийся в послевоенные годы не в карательных мерах, а в административном произволе. Примером может служить практика деятельности государственных органов на Урале по отношению к школьным работникам, связанным социальным происхождением с духовенством и придерживающимся религиозных убеждений.

Учителя, значительная часть которых получила образование в духовных семинариях, тесно связанные родственными узами с лицами духовного звания, в определенной степени оказались противопоставленными государственному нажиму. Об этом свидетельствуют документы, хранившиеся в советский период под грифом «секретно», которые трактуют социальное происхождение школьных работников как причину их противодействия Советской власти. Например, в г. Златоусте, где по данным информационной сводки окружного отдела ОГПУ от 1 марта 1924 г., социальный состав школьных работников был «...мещанско-мелкобуржуазный. На 75% дочери попов, кулаков и торговцев», учительство «не отрешилось от старых привычек и религиозных убеждений» [21, л. 52, 106]. В г. Перми по ходатайству партийных чиновников уволили ряд педагогов школ II ступени духовного звания как «заклятых врагов трудового народа» [24, л. 75]. В г. Кизеле Пермской губернии в 1923 г. был «выгнан» преподаватель Русской истории школы II ступени духовно-

го звания, несмотря на острую нехватку преподавателей этого предмета, хотя в его лояльности советской власти у местных партийных органов не было сомнений [24, л. 75]. В 1925 г. органами народного образования г. Свердловска была уволена учительница-пенсионерка только за то, что она выполняла религиозные обряды. На городском собрании членов профсоюза работников просвещения (Рабпрос) несколько учителей выступили с протестом против увольнения. Они заявили: «Нельзя делать насилие над совестью учителя, лишь бы он в школе не проводил своих религиозных убеждений. Союз не должен допускать таких увольнений». В ходе развернувшейся на собрании дискуссии выявились и сторонники увольнения религиозного учителя. Они аргументировали свою правоту политическими причинами: «Нельзя проводить коммунистическое воспитание в школе, а, выйдя из ее стен, оказывать поддержку слуге капитализма – церкви. И как будут смотреть на такого учителя дети, если в школе он говорит одно, а после занятий делает противоположное?» Собрание постановило: ввиду того, что среди просвещенцев этот вопрос не изжит, – устроить в Доме Рабпроса г. Свердловска диспут на тему «Может ли религиозный учитель оставаться в школе?» [20, с. 210].

Как показывает приведенный пример, в 1925 г. советской властью еще допускалось проведение дискуссий в учительской среде и выяснение мнений педагогов по поводу установок руководящих государственных органов. В середине 1920 гг. Уральский обком ВКП(б) требовал от окружных и районных комитетов партии «...самого внимательного товарищеского отношения к учителям» [22, л. 70]. Во второй половине 1920 гг. административное давление на учительство значительно усиливается. В сборнике «Материалы парткомов и местной печати народного образования с июля 1927 по август 1928 гг.» звучали требования о замене «идеологически чуждых педагогов более соответствующими силами» [23, л. 91]. В конце 1920 гг. «Идеологически чуждыми» и подлежащими увольнению советскими органами объявлялись те школьные работники, которые отказывались от активной поддержки мероприятий советского государства. Так, в Долматовском районе Шадринского округа от учителей требовали участия в проведении хлебозаготовительной кампании, объявляя отказ от этого поддержкой кулачества. В селе Шигровском Тюменского округа «идеологически чуждым» чиновниками было признано выступление на заседании сельсовета учителя Серенева, который заявил, что «ни при каких условиях не может работать в комис-

сии по коллективизации» [25, л. 31].

В конце 1920 гг. руководителями областного отдела народного образования Уральской области даются установки на административное удаление с учительских должностей педагогов, отказывающихся от проведения «классовой линии» в просветительной работе, «чуждых идее социалистического строительства», то есть безоговорочно не поддерживающих указания высшего (Сталинского) партийно-советского руководства. На заседании, посвященном принятию производственного плана Уралом на 1928–29 уч. г., проходившем в Уралобкоме ВКП(б), заведующий Уралом И. А. Перель в своем выступлении говорил: «...мы и раньше ориентировали учителя на классовое воспитание, но до сих пор мы нашу классовую линию осуществляли не всегда в достаточной степени эффективно. Мы пускали к просветительной работе людей, чуждых делу социалистического строительства» [26, л. 1]. По мнению Переля, проведение подобной классовой линии в политике позволило бы избежать негативных последствий «вредительства» в культурном строительстве, которые имели место в хозяйственной сфере, о чем, с точки зрения зав. Облоно, сигнализировало «Шахтинское дело» [там же]. Так называемое «Шахтинское дело» послужило предлогом для ужесточения репрессий, направленных против хозяйственной и инженерно-технической интеллигенции, в последующий период явилось «прелюдией» жесткой репрессивной политики по отношению к учительским кадрам в 1930 гг.

Таким образом, после восстановления советской власти на Урале летом 1919 г. в условиях продолжающейся Гражданской войны большевистское руководство прибегло к репрессиям против учителей, которые сотрудничали с колчаковцами и, по мнению чиновников, были враждебны

большевистскому режиму. Педагоги оказывались жертвами административного произвола властей, привлекались к ответственности судебными и внесудебными карательными органами, даже если они заявляли о желании честно продолжать свой учительский труд. Особенно жесткие карательные меры были направлены против тех школьных работников, которые служили в колчаковской армии, вне зависимости от того, пришли ли они на службу добровольно, либо были мобилизованы.

После окончания Гражданской войны в стране репрессивная политика против учительских кадров потеряла характер судебных и внесудебных расправ, однако поскольку большевики руководствовались «классовым» подходом в решении проблем, то и в 1920 гг. советские чиновники дифференцированно относились к учительству, считая, что принадлежность по происхождению к бывшим «эксплуататорским классам» (дворяне, купцы, духовенство и т.д.) во многом определяет негативное отношение школьных работников к советской власти. Вследствие этого многие учителя не допускались к педагогической деятельности, увольнялись с работы, незаконно обвинялись в антисоветской агитации. В конце 1920 гг. даже отказ от активной поддержки учителями установок партийно-советского руководства стал рассматриваться властями как проявление враждебных настроений, которые наказывались административными мерами.

Все это имело трагические последствия в 1930 гг., когда в связи с переходом к форсированной индустриализации и насильственной коллективизации репрессивные действия советской власти административного и карательного характера по отношению к различным слоям населения, в том числе к учительству, приобрели массовые масштабы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее ГААОСО). – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 50746.
2. ГААОСО – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 23272.
3. ГААОСО – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 25782.
4. ГААОСО – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 73288.
5. ГААОСО – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 73344.
6. ГААОСО – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 73369.
7. ГААОСО – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 76124.
8. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). – Ф. Р-17. – Оп. 1. – Д. 17.
9. ГАСО – Ф. Р-17. – Оп. 1. – Д. 6.
10. ГАСО – Ф. Р-17. – Оп. 1. – Д. 167.
11. Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). – Ф. Р-23. – Оп. 1. – Д. 67.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). – Ф. 77. – Оп. 1. – Д. 575.
13. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917 – 1941. – М., 1980.
14. Подсчитано по данным: ГАСО. – Ф. Р-233. – Оп. 1. – Д. 29.
15. Попов М. В., Протасова Э. Е. Репрессивная политика советской власти в отношении уральского учительства в 1930-е гг. // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 7.
16. Сосновских С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отече-

ственной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.

17. Суворов М. В., Протасова Э. Е. Репрессии против учителей Урала в 1937–1938 гг. // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития : сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – Ч. 1. – С. 179–182.

18. Уральский рабочий. – 1920. – 26 декабря.

19. Уральский рабочий. – 1921. – 4 января.

20. Хрестоматия по истории Урала. XX век / под ред. М. Е. Главацкого. – Екатеринбург, 1998.

21. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 69.

22. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 25.

23. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 6. – Д. 75.

24. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 123.

25. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 6. – Д. 441.

26. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 6. – Д. 442.

R E F E R E N C E S

1. Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (dalee GAAOSO). – F. R-1. – Оп. 2. – Д. 50746.

2. GAAOSO – F. R-1. – Оп. 2. – Д. 23272.

3. GAAOSO – F. R-1. – Оп. 1. – Д. 25782

4. GAAOSO – F. R-1. – Оп. 2. – Д. 73288.

5. GAAOSO – F. R-1. – Оп. 2. – Д. 73344.

6. GAAOSO – F. R-1. – Оп. 2. – Д. 73369.

7. GAAOSO – F. R-1. – Оп. 2. – Д. 76124.

8. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (dalee GASO). – F. R-17. – Оп. 1. – Д. 17.

9. GASO – F. R-17. – Оп. 1. – Д. 6.

10. GASO – F. R-17. – Оп. 1. – Д. 167.

11. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (dalee GAPK). – F. R-23. – Оп. 1. – Д. 67.

12. Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (dalee OGACHO). – F. 77. – Оп. 1. – Д. 575.

13. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. 1917 – 1941. – М., 1980.

14. Podschitano po dannym: GASO. – F. R-233. – Оп. 1. – Д. 29.

15. Popov M. V., Protasova E. E. Repressivnaya politika sovetskoy vlasti v otnoshenii ural'skogo uchitel'stva v 1930-e gg. // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 7.

16. Sosnovskikh S. V. Politicheskie repressii na Urale v kontse 1920-kh – nachale 1950-kh gg. v otechestvennoy istoriografii : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Екатеринбург, 2010.

17. Suворov M. V., Protasova E. E. Repressii protiv uchiteley Urala v 1937–1938 gg. // Paradigmy istoricheskogo obrazovaniya v kontekste sotsial'nogo razvitiya : sb. nauch. tr. / Ural. gos. ped. un-t. – Екатеринбург, 2003. – Ч. 1. – С. 179–182.

18. Ural'skiy rabochiy. – 1920. – 26 dekabrya.

19. Ural'skiy rabochiy. – 1921. – 4 yanvarya.

20. Khrestomatiya po istorii Urala. XX vek / pod red. M. E. Glavatskogo. – Екатеринбург, 1998.

21. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (dalee TsDO-OSO). – F. 4. – Оп. 2. – Д. 69.

22. TsDOOSO. – F. 4. – Оп. 3. – Д. 25.

23. TsDOOSO. – F. 4. – Оп. 6. – Д. 75.

24. TsDOOSO. – F. 4. – Оп. 2. – Д. 123.

25. TsDOOSO. – F. 4. – Оп. 6. – Д. 441.

26. TsDOOSO. – F. 4. – Оп. 6. – Д. 442.